

УДК 316

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-9-29

Социальное благополучие учащейся молодежи: региональные аспекты в общероссийском контексте

П. А. Амбарова

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
borges75@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены ключевые показатели и проблемы социального благополучия молодежи одного из северных регионов России: Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ХМАО — Югры) на фоне результатов исследований того же феномена в других регионах страны, а также во всероссийском масштабе. Цель — выявить в сравнительном анализе схожие показатели и различия основных элементов социального благополучия молодежи ХМАО — Югры. Кроме того, решается методическая задача определения возможностей корректного сравнения результатов исследований социального благополучия, проведенных по разным методикам. Эмпирическая база статьи: результаты массового опроса студентов вузов и организаций среднего профессионального образования ХМАО — Югры (2022 г.), а также вторичный анализ данных региональных и общероссийских исследований социального благополучия (с 2013 по 2022 гг.). Сделаны выводы о том, что ключевыми особенностями социального благополучия учащейся молодежи северного региона являются высокий уровень ощущения счастья и отсутствие финансовых проблем на фоне материального благополучия родительских семей. В то же время обосновано положение о схожести представлений о социальном благополучии и его состоянии по таким показателям, как удовлетворенность жизнью и оценка здоровья. Практическая значимость полученных результатов заключается в их использовании в работе органов государственного и муниципального управления, учреждений образования, культуры и молодежной политики для моделирования региональных процессов, формирующих код социального благополучия в условиях Севера и способствующих закреплению молодежи на территории, социально-профессиональному воспроизводству регионального сообщества.

Ключевые слова: молодежь, северный регион, социальное благополучие, удовлетворенность жизнью, личное счастье

Для цитирования: Амбарова, П. А. Социальное благополучие учащейся молодежи: региональные аспекты в общероссийском контексте / П. А. Амбарова. — DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-9-29 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2023. — № 4. — С. 9–29.

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания по науке БУ «Сургутский государственный педагогический университет» на 2021–2023 гг. по теме «Динамика социального благополучия молодежи в условиях Севера: югорский срез в контексте общероссийских тенденций».

Social well-being of students: regional aspects in the Russian context

Polina A. Ambarova

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
borges75@mail.ru*

Abstract. The article discusses the social well-being of young people in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra, a northern region of Russia. It presents key indicators and issues and compares them with research findings on this subject in other regions of the country and on a national level. The aim is to identify in a comparative analysis similar indicators and differences in the key components of the social well-being among young people in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra. In addition, the methodological task of determining the possibilities of correct comparison of the results of social well-being studies conducted using different methods is being solved. The empirical basis of the article is the results of a mass survey of students of universities and secondary vocational education organisations of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra (2022), as well as secondary analysis of data from regional and Russian studies of social well-being (from 2013 to 2022). The study concludes that the key features of social well-being among students in the northern region are high levels of happiness and absence of financial concerns relative to the material prosperity of their families. Furthermore, the research supports the correlation between perceptions of social well-being and its condition as measured by life satisfaction and health evaluation. The results have practical importance for public and municipal administration, educational, cultural, and youth policy institutions, modelling regional processes, forming the code of social well-being in the North and contributing to the retention of young people in the region and socio-professional reproduction of the regional community.

Keywords: youth, northern region, social well-being, life satisfaction, personal happiness

For citation: Ambarova, P. A. (2023). Social well-being of students: regional aspects in the Russian context. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 9-29. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-9-29

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the state task for science of the Surgut State Pedagogical University for 2021-2023 on the topic "Dynamics of social well-being of young people in the conditions of the North: The Ugra cross-section in the context of Russian trends

Введение

Категория социального благополучия (СБ) приобрела на территориях северных регионов России особый код, выявить который возможно в сопоставлении с общероссийскими и мировыми тенденциями, влияющими на формирование в обществе его объективного и субъективного восприятия. СБ россиян — не есть сумма показателей СБ жителей всех российских регионов, хотя бы потому, что в изучении субъективных социальных феноменов, детерминируемых огромным количеством факторов, плохо работают суммативные методологические подходы, требующие в этом случае применения разных поправок и коэффициентов.

Другое обстоятельство, осложняющее обобщающие исследования СБ, состоит в постоянном методическом поиске социологов. Исследователи измеряют столь сложный феномен разными инструментами, стремясь найти какой-то универсальный подход к решению данной исследовательской задачи. Не только выбор показателей и индикаторов, но и метод анализа данных может давать разную картину СБ и его обусловленности теми или иными факторами.

Названные моменты создают определенные ограничения для сопоставления данных разных исследований СБ, однако не делают данную задачу абсолютно невыполнимой. В связи с этим в статье сделана попытка выявить в сравнительном анализе схожие показатели и различия основных элементов социального благополучия моло-

дежи Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ХМАО — Югры). Для этого сначала мы рассмотрим общие или близкие показатели, использованные в разных исследованиях, отобранных нами для сравнения. Затем проинтерпретируем по выделенным показателям данные нашего и других исследований СБ. В заключение обобщим особенные и общие характеристики СБ молодежи ХМАО — Югры.

Литературный обзор

СБ посвящено огромное количество монографий и научных статей. Среди последних есть такие, которые имеют характер систематического обзора [1–5]. Для нашей статьи нет смысла повторять ту же самую процедуру или пересказывать заключения, уже сделанные авторами. И все же данный раздел статьи функционально необходим, поскольку в нем мы сделаем акцент на работах, имеющих методический характер, а также на исследованиях СБ, осуществленных в сопоставимом региональном масштабе.

Методологии измерения СБ в последнее время уделяли особое внимание Г. Г. Татарова с соавторами, Л. С. Киселёва, коллектив социологов Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) под руководством М. Ф. Черныша.

Г. Г. Татарова и А. В. Кученкова, соотнеся между собой концепты СБ и субъективного благополучия [6; 7], предложили методику оценки последнего применительно к сфере труда наемных работников. Анализируя различные модели измерения субъективного благополучия, исследователи сделали вывод о том, что их базовыми элементами являются удовлетворенность жизнью и ощущение счастья [7]. Кроме того, авторы обосновали необходимость учета такой детерминанты субъективного благополучия, как этап жизненного цикла, понимая под ним особый период жизни человека, который сопровождается изменениями его социальной роли и статуса (детство, юность, взрослость, старость, подготовка к трудовой деятельности, занятость, выход на пенсию). По их мнению, социально-демографические переменные (возраст, семейное положение, статус занятости, наличие детей), характеризующие каждый этап жизненного цикла, влияют на субъективное благополучие [8].

Л. С. Киселёва обобщила и классифицировала различные методологические и методические подходы к исследованию благополучия, сделав вывод о том, что разработка его комплексных показателей — молодое перспективное направление оценки как объективных (количественных), так и субъективных (качественных) показателей, сформировавшееся на стыке экономических, социологических, психологических и политологических теорий [9]. Она также заключила, что благополучие следует рассматривать на разных уровнях, начиная с национального (макро) и заканчивая личностным (микро).

Ее анализ показал, что категория СБ входит в состав многих индексных методик и замеряется самым широким спектром показателей. Изучение исследовательских практик ведущих социологических центров (Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонда общественного мнения (ФОМ), Левада-центра, ФНИСЦ РАН) позволило автору систематизировать эти показатели и выявить среди них инварианты, в том числе удовлетворенность людей различными аспектами их жизни и счастье.

Системное обобщение методик измерения СБ (как в его субъективном, так и объективном измерении) было осуществлено в рамках исследовательского проекта ФНИСЦ РАН «Факторы социального благополучия в изменяющемся и стабильном обществах» [10]. Его авторы подчеркнули, что «множественность социального благополучия имеет сложную архитектуру объективных и субъективных компонентов, подвижный социоструктурный характер» [11], что обуславливает разработку мультилатеральной модели СБ и соответствующей ей методики измерения. Достоинством названного исследовательского проекта является детальный сравнительный анализ исследовательских подходов к измерению СБ в России и скандинавских странах (Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании). На его основе был сделан вывод о сложности лонгитюдного исследования СБ и разной степени надежности данных, полученных теми или иными методами.

Важным результатом исследования стало выделение идеальных типовых субъективных моделей благополучия. По мнению В. А. Шиловой, они представляют собой «некие эталоны, на которые ориентируются индивиды и социальные группы, оценивая благополучие и неблагополучие себя и окружающих в разных ситуациях» [12]. Выделенные модели получили следующие названия: «баланс всех важных жизненных составляющих», «смысл благополучия в семье», «благополучие как свобода», «материальный достаток», «смысл благополучия в работе и карьерном росте», «смысл благополучия в личностном развитии, жизненном опыте и общественном признании», «благополучие как счастье и душевная гармония», «благополучие как перспектива успешного будущего, стабильность и определенность».

Опыт разработки методик измерения благополучия и подходов к интерпретации данных имеет большое значение для решения задач нашего сопоставительного исследования СБ молодежи конкретного региона в общероссийском контексте. Нам представляются продуктивными описанные исследования с точки зрения и предложенных базовых элементов благополучия, и учета факторов, которые влияют на его формирование, и выявленных ограничений/возможностей сопоставительного анализа разных замеров СБ.

Анализ научной литературы позволил выделить немногочисленные примеры эмпирических исследований СБ регионального и локального (городского) масштаба, что было важно для нас в плане поиска данных для сравнительного исследования. Среди ранее названных проектов имели выход на крупные города и мегаполисы исследования Л. С. Киселёвой и ФНИСЦ РАН. Так, Л. С. Киселёва в сравнительном анализе населения российских городов (Тюмени, Салехарда, Санкт-Петербурга) выявила факторы благополучия, универсальные и специфичные для различных территорий [13]. Работа В. А. Шиловой базировалась на материалах фокусированных групповых дискуссий, проведенных в Нижнем Новгороде и Москве [12].

Исследования СБ, охватывающие население регионов, были осуществлены в Приморском крае А. В. Винокуровой и Е. Ю. Костиной [14], в Читинской области — И. В. Мерзляковой [15], в Вологодской области — Институтом социально-экономического развития территорий РАН (Е. О. Смолевой) [16; 17]. Но наиболее широкий охват российских регионов представлен в монографии по проекту ФНИСЦ РАН. В ней отражено состояние СБ населения Ивановской, Тюменской, Воронежской, Курской, Липецкой областей, Северного Кавказа [11].

Обобщая результаты названных исследований, отметим, во-первых, их методологическое и методическое разнообразие, а во-вторых, отсутствие в них фокуса на студенческой молодежи. Как видим, исследователи осуществляют либо общенациональные, региональные и локальные замеры СБ населения в целом, либо работающей его части. Единственным кейсом, сфокусированным на СБ молодежи, стал анализ студенческой молодежи Северного Кавказа в монографии ФНИСЦ РАН [11].

Анализ методических подходов к изучению СБ показал, что сегодня особую популярность приобрели индексные методики, построенные на показателях, количество которых порой насчитывает несколько десятков. Соответственно, при немногочисленности исследований СБ, проведенных к тому же с использованием разных методик, возникает проблема сопоставимости результатов.

Один из вариантов ее решения — поиск инвариантных показателей, отражающих базовые элементы СБ. Данный подход может ограничивать познавательные возможности рассмотрения СБ во всей его комплексности и сложности. Однако, если речь идет о базовых элементах, то такой подход позволяет охватить ключевые параметры изучаемого феномена.

Первые два инвариантных показателя — это удовлетворенность жизнью и ощущение счастья. По мнению Г. Г. Татаровой и А. В. Кученковой, в индексных методиках они играют роль интегрального показателя субъективного благополучия [18]. При этом первый, по Р. Инглхарту, отражает когнитивный компонент СБ, а второй — аффективный или эмоциональный [19]. Как правило, социологи используют прямые вопросы об удовлетворенности жизнью или о счастье в целом, что является надежным и валидным инструментом измерения [18; 20–23].

Вторые два инвариантных показателя СБ — материальное положение и здоровье — отражают объективные основания СБ человека. Ранее материальное состояние (доход) считалось ключевым элементом СБ. Современные социологи полагают, что это утверждение перестало быть аксиомой, но остается важным при измерении объективного благополучия, а также при изучении факторов, определяющих субъективное благополучие [24–26]. Точно так же и здоровье рассматривается с двух сторон — и как объективный показатель СБ человека, и как фактор, влияющий на субъективное восприятие человека своего благополучия [27; 28]. Эти два показателя включены в такие авторитетные индексные методики, как Глобальный индекс благополучия Gallup-Healthways (Gallup Healthways Global Well-Being Index) и Индекс лучшей жизни Организации экономического сотрудничества и развития (OECD Better Life Index). Далее по частоте использования стоят такие показатели, как безопасность и качество экологической среды, трудовых, межнациональных и общественно-политических отношений. Однако они не всегда включаются в методики во всей своей совокупности.

Таким образом, для сравнительного анализа СБ студенческой молодежи одного из российских регионов, ХМАО — Югры, можно предложить четыре показателя, отражающих субъективные и объективные аспекты СБ (рис. 1).

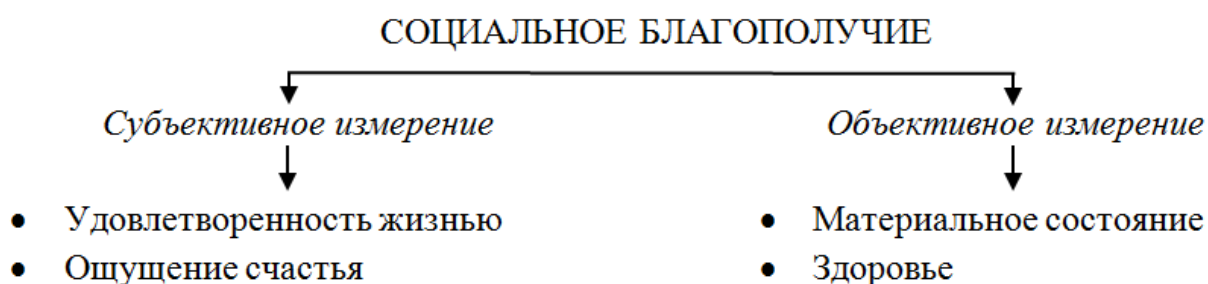

Рис. 1. Инвариантные показатели социального благополучия

Еще раз подчеркнем, что процедура редуцирования измерения СБ к четырем показателям ограничивает выявление сложной природы и разнообразных проявлений изучаемого феномена. Однако с учетом таких ограничений мы представим результаты анализа СБ студенческой молодежи северного региона в общероссийском контексте.

Материалы и методы

Статья основана на материалах массового опроса студентов очной формы обучения 4 вузов и 20 организаций среднего профессионального образования (СПО) ХМАО — Югры (n = 2 460, февраль–апрель 2022 г.). Для сбора данных использовался сервис anketolog.ru. Применялась пропорциональная квотная выборка, в основу которой были положены следующие критерии: принадлежность к образовательной организации, пол, направление подготовки (табл. 1). Предельная ошибка выборки не превышала 2 %. Что касается студентов вузов, то по направлениям бакалавриата обучались свыше 3/4 опрошенных, по программам специалитета — около 20 %, в магистратуре — чуть больше 4 %, в аспирантуре — 0,5 %. Распределение опрошенных студентов по курсам соответствовало тенденции постепенного снижения численности обучающихся от 1 к 5 курсу. Данные были обработаны в программе Vortex.

Таблица 1

Распределение студентов вузов в выборочной совокупности по направлениям подготовки

Направления подготовки высшего образования	%
Гуманитарные специальности	12,7
Естественно-научные специальности	6,7
Медицина и здравоохранение	17,5
Сельскохозяйственные специальности	1,3
Социально-экономические специальности	29,4
Инженерно-технические специальности	32,5

В статье использованы также материалы региональных и общероссийских исследований социального благополучия (с 2013 по 2022 гг.).

Результаты и обсуждение

Удовлетворенность жизнью в эмпирических исследованиях субъективного СБ замеряется либо через обобщающие оценки, либо дифференцированно по различным аспектам (удовлетворенность работой, отношениями с родными, друзьями, материальным положением и т. д.). В нашем исследовании использовался и первый, и второй варианты шкал.

Опрос показал, что подавляющее большинство (85,6 %) студентов вузов ХМАО — Югры в целом удовлетворены своей жизнью (табл. 2), причем среди учащихся колледжей довольных жизнью несколько больше, чем среди студентов вузов.

Таблица 2

**Удовлетворенность студентов вузов и СПО в ХМАО — Югре,
в % от числа опрошенных**

<i>Степень удовлетворенности</i>	<i>Студенты вузов</i>	<i>Студенты СПО</i>	<i>Среднее значение</i>
Вполне удовлетворен	45,3	55,8	50,6
Скорее удовлетворен	38,6	31,5	35,0
Скорее не удовлетворен	11,3	7,2	9,2
Совершенно не удовлетворен	2,4	2,6	2,5
Затрудняюсь ответить	2,4	3,0	2,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Если рассматривать группу студентов, имеющих высокий уровень удовлетворенности жизнью (оценивших различные ее аспекты на 4 и 5 баллов по 5-балльной шкале), то самой большой оказывается доля удовлетворенных отношениями с семьей и родными (82,5 %), с соседями и друзьями (82,5 %), значительно меньше — доля удовлетворенных уровнем развития гражданских свобод (50,4 %) и легальными возможностями изменять общество (43,8 %).

В целом россияне в молодом возрасте (18–25 лет) по всем исследованиям показывают наиболее высокие оценки удовлетворенности жизнью [9; 29]. Факторами, обуславливающими такую одинаковую картину по всей стране и в ее отдельных регионах, выступают отсутствие обременения «взрослыми» заботами (о семье, работе, детях) и в целом оптимистичный взгляд на жизнь, присущий молодому возрасту. Однако необходимо отметить, что данные, полученные Л. С. Киселёвой по Ямало-Ненецкому автономному округу (ЯНАО), соседнему с ХМАО — Югрой и имеющему почти идентичные природные, социальные, культурные условия жизни, показывают в целом высокий уровень удовлетворенности жизнью у всех возрастных и социальных групп населения (в том числе у молодежи). По мнению автора данного исследования, особым фактором здесь выступает «сильная» социальная политика, «подпитанная» солидным финансированием социальной сферы [9]. Что же касается дифференцированных оценок, то и в этом случае мы можем увидеть очень схожие состояния: на 1-е место среди факторов, определяющих удовлетворенность жизнью, жители ЯНАО и Тюменской области поставили семью и родных [9]. Молодые люди в возрасте до 25 лет на 3-е место также по-

ставили дружеские отношения, подчеркнув тем самым, что в этом возрасте особое значение имеют социальные связи и дружеские привязанности [9].

По данным В. А. Шиловой (исследование ФНИСЦ РАН), позитивные оценки ближайшего социального окружения коррелируют с высоким уровнем СБ и социального самочувствия [29]. Чем больше респондент был удовлетворен отношениями с соседями, супругом, детьми и родителями, тем выше были его оценки уровня благополучия. Такие люди чаще выражали готовность помогать (в том числе материально) своим знакомым в трудной ситуации.

Соотнеся данные региональных и общероссийских исследований СБ с результатами нашего опроса, мы можем говорить о том, что большая доля югорских студентов, вполне удовлетворенных своей жизнью в целом и соотносящих свое благополучие с базовыми терминальными ценностями (семьей, дружескими отношениями), будет вносить свой вклад в повышение уровня благополучия в регионе, сплоченности регионального сообщества, эти студенты будут готовы к взаимопомощи в трудных ситуациях.

Второй показатель субъективного благополучия — ощущение счастья — рельефно отражает уровень СБ студенческой молодежи ХМАО — Югры (табл. 3).

Таблица 3

Ощущение счастья студентами вузов и СПО в ХМАО — Югре, в % от числа опрошенных

<i>Ощущение счастья</i>	<i>Студенты вузов</i>	<i>Студенты СПО</i>	<i>Среднее значение</i>
Да	33,0	39,6	36,4
Скорее да, чем нет	49,4	44,9	47,1
Скорее нет, чем да	9,9	7,8	8,8
Нет	3,6	3,5	3,5
Затрудняюсь ответить	4,2	4,2	4,2
Итого	100,0	100,0	100,0

Как видим, доля счастливых студентов примерно такая же, как и доля удовлетворенных жизнью. И опять прослеживается небольшое различие между студентами вузов и СПО: среди первых чуть меньше тех, кто уверенно ощущает себя счастливым человеком, чем среди вторых. Как правило, общероссийские исследования показывают несколько разное «поведение» этих двух показателей. Только исследование Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» в 2017 г. показало, что из всех респондентов, имеющих работу, почти у половины (49,2 %) индивидуальный балл по вопросу об удовлетворенности жизнью и счастьем совпал [30].

Сравнивая данные, полученные Л. С. Киселёвой по Тюменской области, ЯНАО и Санкт-Петербургу, мы снова видим преимущественное число счастливых людей в ЯНАО (78,5 %) [9]. Молодежь всех исследуемых регионов значимо выделяется ощущением счастья, хотя по общероссийским данным ВЦИОМ (2022 г.) доля счастливых россиян в целом больше и составляет 83 % [31]. Опираясь на выводы, сделанные рядом

авторов [7; 18; 22; 32] относительно корреляции между переменными «удовлетворенность жизнью» и «счастье», мы можем говорить о вполне надежных данных о СБ югорских студентов, полученных через замеры двух названных показателей. В то же время несмотря на то, что шкалы счастья и удовлетворенности жизнью убедительно показывают высокую согласованность друг с другом [7; 18], они отражают разные аспекты СБ студенческой молодежи. Поскольку мы не проводили лонгитюдное исследование в отличие от названных в данной статье авторов, мы не можем сделать вывод о том, какие тенденции в отношении удовлетворенности жизнью и ощущения счастья развивались в студенческой среде в последние годы. Нам представляется изучение этого аспекта перспективной задачей будущих исследований молодежи в ХМАО — Югре.

Объективные основания СБ (материальное положение и здоровье), как отмечалось, имеют двойственную природу, то есть могут быть оценены посредством статистических данных или через мнение о них самих респондентов. В нашем исследовании использовался второй подход, соответственно, мы будем сравнивать данные по югорскому студенчеству с данными других исследований, полученными такими же опросными методами.

В свое понимание благополучной жизни студенты ХМАО — Югры прежде всего включили материальное благополучие (достаток, отсутствие нужды) и здоровье (свое и близких). Такие представления совпадают со смысловым ядром СБ, содержание которого было определено во всероссийском опросе ФНИСЦ РАН и включило здоровье, семью, деньги, стабильность, обеспеченность, детей [10]. По данным Л. С. Киселёвой, в изученных регионах (ЯНАО, Тюменской области, а также в Санкт-Петербурге) респонденты также отдали первые позиции здоровью, семье, деньгам (материальному достатку) [9]. Только в отличие от общероссийских данных студенты сдвинули на полупериферию семью и детей, поскольку данные элементы СБ для большинства из них пока не столь актуальны. Тем не менее среди наиболее значимых жизненных ценностей студенты выделили именно здоровье, семью и детей, а также деньги и материальные блага. Их выбор был самым популярным по числу ответов как у студентов вузов, так и у студентов колледжей.

Оценки достаточно большой группы югорских студентов собственного здоровья сдвинуты к верхней границе 5-балльной шкалы (рис. 2), что свидетельствует в целом об их удовлетворенности данным элементом СБ.

Доля тех, кто в полной мере удовлетворен состоянием своего здоровья (то есть оценил его на 5 баллов), среди студентов вузов относительно невелика — 20,8 % против 31,1 % среди студентов СПО. При этом примерно половина студентов (54,6 % студентов вузов и 56,2 % студентов колледжей) оценили качество медицинского обслуживания в регионе на 4 и 5 баллов (по 5-балльной шкале). Примерно такие же оценки характеризуют всю российскую молодежь. Опрос ФНИСЦ РАН показал, что возрастная когорта от 18 до 29 лет на общем фоне выделилась более высокими оценками здоровья (медиана по 10-балльной шкале оценки оказалась равной 6 баллам) [10]. А опрос населения ЯНАО, Тюменской области и Санкт-Петербурга доказал, что молодежь до 35 лет вообще не проблематизирует тематику здоровья [10].

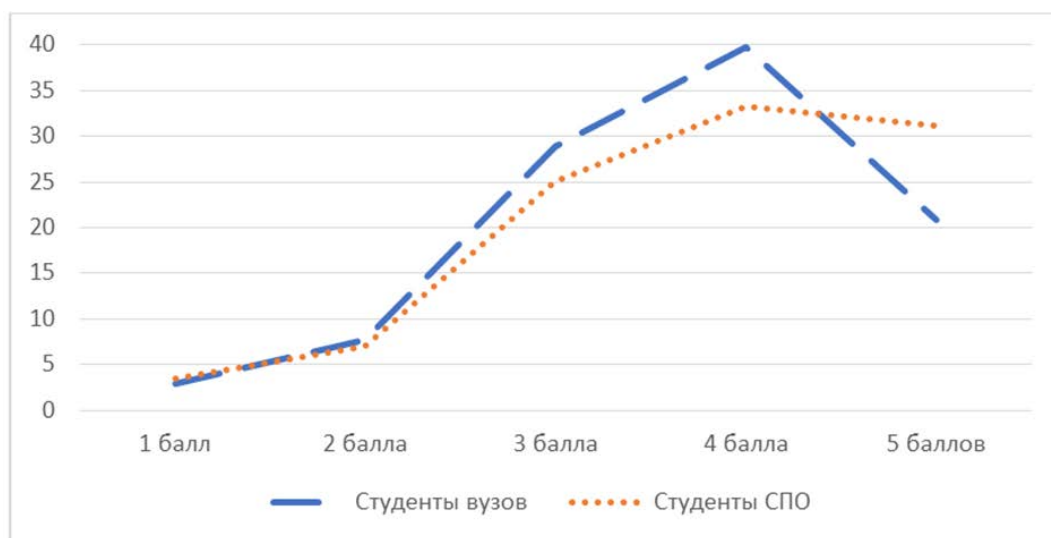

Рис. 2. Удовлетворенность студентов вузов и СПО в ХМАО — Югре своим здоровьем (по 5-балльной шкале, где 1 — полностью не удовлетворен, 5 — полностью удовлетворен), в % от числа опрошенных

Вообще показатели здоровья очень сильно влияют на СБ молодежи, так же как и показатели материального положения. По данным общероссийского исследования, оценка состояния здоровья как плохого снижает оценку благополучия примерно на два балла (по 10-балльной шкале), умеренные проблемы (средняя точка шкалы) понижают оценку благополучия на 1 балл [10]. В нашем исследовании к студентам, испытывающим умеренные проблемы со здоровьем, можно отнести 29 % студентов вузов и 25 % студентов СПО, а с серьезными проблемами здоровья — только 10 % представителей той и другой образовательной общности. Соответственно, СБ десятой части студенчества северного региона оказывается в зоне риска по СБ.

Проблемы с материальным положением еще более тесно связаны с самочувствием молодежи. Мы оценивали материальное положение югорского студенчества по нескольким показателям: по структуре расходов (возможностям потребления) (табл. 4), материальной самостоятельности (независимости), удовлетворенности экономическим положением семьи, наличию «подушки финансовой безопасности». По данным таблицы 4 мы видим, что более половины студентов вузов и треть студентов СПО оценивают свое положение ниже среднего (для них затруднительна покупка товаров длительного пользования) и чуть больше четверти представителей той и другой образовательной общности — как низкое.

Абсолютно независимыми в материальном плане считают себя 15,0 % студентов вузов и 9,4 % учащихся СПО, еще 31,0 % первых и 20,9 % вторых стараются в основном жить на самостоятельно заработанные средства (при некоторой поддержке родственников). Остальные студенты полностью зависят от помощи семьи и/или государства. При этом 60,9 % студентов вузов и 69,5 % студентов колледжей оценили удовлетворенность экономическим положением своих семей на «4» и «5», на «3» — 26,9 и

21,3 % соответственно. Что касается создания «подушки финансовой безопасности», то меньше половины студентов (43,4 % студентов вузов и 47,2 % студентов СПО) не имеют такой возможности.

Таблица 4

**Материальное положение (по структуре расходов) студентов вузов и СПО
в ХМАО — Югре, в % от числа опрошенных**

<i>Показатель материального положения</i>	<i>Студенты вузов</i>	<i>Студенты СПО</i>
Хватает на еду, но покупка одежды проблематична	28,8	26,7
Денег хватает на еду и одежду, но покупка товаров длительного пользования (новый холодильник или телевизор) затруднительна	47,9	35,8
Могу позволить себе приобрести товары длительного пользования	17,1	22,0
Могу позволить себе все, в том числе покупку машины, квартиры или дачи	1,6	5,3
Затрудняюсь ответить	4,6	10,2
Итого	100,0	100,0

Результаты опроса студентов об их материальном положении оказались самыми сложными для сопоставительного анализа в контексте всероссийских и региональных исследований. Во-первых, в используемых нами для сравнения исследованиях молодежь и студенчество не были выделены в отдельную группу при рассмотрении материального положения населения. Во-вторых, социально-экономические условия ХМАО — Югры довольно сильно отличаются от условий «Большой земли» (даже соседней Тюменской области). Регион относится к «донорам», лидирует по ряду основных экономических показателей, существенно опережая общероссийские по реальным и среднестатистическим денежным доходам населения, уровню реальной заработной платы [33]. Население округа может получать 84 вида мер социальной поддержки, установленных законодательством Российской Федерации и ХМАО — Югры [33]. В-третьих, в каждом исследовании применялись специфические вопросы и шкалы для измерения рассматриваемого показателя.

Тем не менее мы можем экстраполировать некоторые выводы общероссийских и региональных исследований, касающиеся влияния материального положения на СБ населения, на результаты нашего опроса. Прежде всего, в интерпретации ответов студентов об их материальном положении важно понимать, что для СБ важен не столько уровень доходов, как субъективная удовлетворенность материальным положением [34]. Поскольку большинство югорских студентов рассчитывают на помощь семьи, нам были важны показатели их удовлетворенности ее материальным положением. Полученные данные свидетельствуют о том, что примерно 2/3 опрошенных в целом удовлетво-

рены им. Кроме того, примерно половина опрошенных ответила, что даже во время пандемии коронавируса материальное положение их семей не изменилось, около четверти заявило, что оно ухудшилось незначительно, а у 7 % даже улучшилось (табл. 5).

Таблица 5

Изменение материального положения семьи студентов вузов и СПО в ХМАО — Югре за время пандемии коронавирусной инфекции, в % от числа опрошенных

<i>Материальное положение семьи</i>	<i>Студенты вузов</i>	<i>Студенты СПО</i>
Улучшилось	6,2	8,6
Осталось прежним	49,8	52,0
Незначительно ухудшилось	29,1	23,6
Намного ухудшилось	7,3	6,3
Затрудняюсь ответить	7,5	9,5
Итого	100,0	100,0

Важно учитывать отсутствие линейной зависимости между материальным положением и иными ключевыми показателями СБ, в частности удовлетворенностью жизнью, ощущением счастья и субъективными оценками здоровья [34; 35]. Исходя из ранее выявленных зависимостей [20], мы можем говорить о том, что более сильное влияние на эти три показателя СБ оказывает материальное положение студентов, оказавшихся в статусе бедных (чуть более четверти в каждой образовательной общности). По мере увеличения дохода студентов (их семей) эта связь будет ослабевать.

И наконец, влияние материального фактора в целом на СБ студенчества опосредовано не столько абсолютными его показателями, сколько возможностями обеспечивать различные потребности студентов (это так называемые ресурсные возможности денег). Данные опроса показывают, что материальные возможности 60,2 % студентов вузов и 54,3 % студентов колледжей позволяют им пользоваться услугами коммерческих медицинских учреждений, а отсутствие денег стоит на последнем месте среди причин, по которым студенты готовы бросить учебу (отмечено лишь у 1,7 % студентов вузов и 3,4 % студентов колледжей).

Завершим анализ СБ югорских студентов еще одним блоком параметров. Речь идет об особых показателях, которые мы не упомянули в теоретической рамке, но которые составляют специфическое измерение СБ в некоторых регионах России. Это оценка межнациональных отношений и миграционные установки. Для сравнительного анализа обратимся к опыту изучения СБ студенческой молодежи Северного Кавказа, поскольку только в этом кейсе оказались представленными названные параметры. Для нашего исследования, так же как и для авторов северо-кавказского исследования, они оказались важными. ХМАО — Югра — исторически полиэтнический регион, национально-культурное многообразие которого сегодня поддерживается активным миграционным притоком мигрантов из стран Содружества Независимых Государств

(СНГ) [36] и, в последнее время, из ДНР и ЛНР. В то же время будем иметь в виду, что в отличие от ХМАО — Югры Северный Кавказ является регионом с низким уровнем социально-экономического развития, высоким уровнем бедности и безработицы.

На вопрос о значении национальности около 64 % югорских студентов ответили, что гордятся ею, для 22 % национальность ничего не значит, 4,9 % не идентифицируют себя с какой-то определенной национальной группой и только 0,7 % стыдятся своей национальности. 85,7 % студентов в ХМАО — Югре никогда не подвергались дискриминации по признаку этнического происхождения, 11,3 % — иногда, только 3,6 % респондентов отметили, что сталкиваются с этой ситуацией часто. Таким образом, в целом межнациональные отношения большая часть северной молодежи оценивает как бесконфликтные, толерантные.

Полученные результаты вполне соотносятся с общероссийскими. Так, по данным исследования Е. Ю. Щегольковой (2019 г.), 87 % россиян не испытывают негативных чувств к людям иных национальностей и 96 % не чувствуют враждебного отношения к себе по этническому признаку [37]. В то же время студенческая молодежь Северного Кавказа испытывает тревогу по поводу этих отношений. В целом состояние межнациональных отношений оценивается ею как стабильное, однако за 2019–2021 гг. с 12 до 26 % выросла доля студентов, испытывающих тревогу по поводу межнациональной конфликтности [11]. В 2021 г. со случаями конфликтов на национальной почве столкнулись 32 % опрошенных против 20 % в 2020 г. [11]. Основными причинами межнациональных конфликтов на Северном Кавказе студенты считают враждебность и предубеждение к другим народам, неприятие иных культур, территориальные и земельные конфликты. Однако, по мнению абсолютного большинства опрошенных, фоновым фактором выступает социальное неравенство, а источником роста экстремизма и радикализма в молодежной среде — низкий уровень доходов, безработица, социальная незащищенность и отсутствие жизненных перспектив. Таким образом, мы видим существенные различия в СБ студенческой молодежи двух российских регионов по показателю состояния межнациональных отношений. Их факторы во многом кроются, по видимому, в социально-экономическом положении населения двух регионов, в том числе молодежи.

Следствием описанных проблем являются миграционные настроения среди молодежи. И в том, и в другом исследовании студентам был задан примерно одинаковый вопрос о желании уехать из региона после окончания обучения. У половины студентов северо-кавказского региона с 2019 по 2021 гг. наблюдается устойчивое желание покинуть регион [11]. Доля югорских студентов, выражающих готовность уехать из региона, меньше. Среди студентов вузов респондентов с такими установками несколько больше (42,4 %), чем среди студентов СПО (36,5 %). Одновременно велика доля тех, кто не определился со своими миграционными намерениями (29,6 % среди студентов вузов и 28,7 % среди студентов колледжей). Безусловно, рассматриваемые регионы имеют свою специфику, сказывающуюся на межнациональных отношениях и миграционной обстановке, поэтому наши выводы из сравнительного анализа имеют свои ограничения в плане трактовки первопричин. Тем не менее мы рассматриваем в целом вли-

яние этих факторов на СБ молодежи, и анализ показывает более благоприятную обстановку в северном регионе, нежели южном.

Выводы

Для северного региона, каковым является ХМАО — Югра, сохранение молодежи выступает стратегической задачей в силу климатических и инфраструктурных трудностей сохранения и воспроизводства населения. Особенно если речь идет об образованной молодежи, составляющей не только физический ресурс демографического воспроизводства, но и сохранения качественных трудовых ресурсов и благополучного населения. Северные регионы стремятся перейти от исторически сложившейся традиции миграционного восполнения человеческого капитала к самовоспроизводству, обеспечивающему устойчивость развития. При такой стратегии регионального развития обеспечение СБ студенческой молодежи видится одной из продуктивных тактик. Целью же социальной науки выступает научное обоснование возможностей ее осуществления. В таком ключе представляется важным рассмотрение СБ югорской молодежи в общероссийском контексте, а также в сравнительном анализе с другими российскими регионами.

Для этого в статье была решена прежде всего методическая задача определения инвариантных показателей СБ, встречающихся во всех общероссийских и региональных исследованиях. В качестве таковых были предложены удовлетворенность жизнью и ощущение счастья (для анализа субъективного измерения СБ), оценка материального положения и здоровья (для анализа объективных аспектов СБ). На основе изучения различных социологических методик и опыта их применения в эмпирических исследованиях была обоснована их валидность для сравнительного исследования СБ студенчества северного региона. Определенной трудностью и ограничением исследования выступило отсутствие специальных проектов по изучению СБ студенчества в общероссийском и региональном масштабе. В связи с этим мы ориентировались на результаты, полученные на молодежных подвыборках. Исключение составил опрос студенческой молодежи Северного Кавказа, который, впрочем, был сфокусирован на противоположном феномене — социальном неблагополучии молодежи в регионе.

Тем не менее с учетом обозначенных ограничений нам удалось охарактеризовать схожие показатели и различия основных элементов СБ молодежи ХМАО — Югры. Основной вывод заключается в том, что СБ югорского студенчества в настоящее время формируется в рамках общероссийских тенденций развития СБ молодежи в возрасте 18–25 лет. Именно эта группа населения демонстрирует по всем показателям (в меньшей степени — по материальному положению) самые высокие оценки. Вместе с тем СБ студентов ХМАО — Югры характеризуется более высокими показателями по такому показателю, как ощущение счастья, что в целом отличает население северных регионов (ХМАО — Югры, ЯНАО) от жителей других регионов России. В этом видится положительное влияние «сильной» молодежной и социальной политики, обеспеченной достаточным региональным и федеральным финансированием.

Исследование показало, что студенты северного региона ориентируются на общероссийский стандарт «хорошей жизни», который конструируется из таких жизнен-

ных ценностей, как материальный достаток, семья, хорошие человеческие отношения, здоровье. И хотя на данный момент некоторые элементы этого стандарта, в частности собственный доход и собственная семья, не входят в круг наличных благ, они компенсируются за счет родительской семьи, имеющей в условиях севера достаточно стабильное материальное положение. За счет этого ожидаемый риск усиления и реализации миграционных настроений молодежи сдерживается социальными и экономическими противовесами и прогнозируется на том же уровне, что и в регионах «Большой земли», так же испытывающих миграционную мобильность современной молодежи.

Список источников

1. Conceição, P. Measuring Subjective Wellbeing : A Summary of the Literature / P. Conceição, R. Bandura. – New York, 2018. – 35 p. – Direct text.
2. Бенко, Е. В. Обзор зарубежных публикаций, посвященных исследованию благополучия / Е. В. Бенко. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Психология. – 2015. – Т. 8, № 2. – С. 5–13.
3. Ryan, R. M. On happiness and human potentials : A review of research on hedonic and eudaimonic well-being / R. M. Ryan, E. L. Deci. – DOI 10.1146/annurev.psych.52.1.141. – Direct text // Annual review of psychology. – 2001. – Vol. 52, Issue 1. – P. 141–166.
4. Ulloa, B. F. L. How does subjective well-being evolve with age? A literature review / B. F. L. Ulloa, V. Møller, A. Sousa-Poza. – DOI 10.1007/s12062-013-9085-0. – Direct text // Journal of Population Ageing. – 2013. – Vol. 6, Issue 3. – P. 227–246.
5. Шматова, Ю. Е. Измерение уровня счастья : литературный обзор российских и зарубежных исследований / Ю. Е. Шматова, М. В. Морев. – DOI 10.15838/esc/2015.3.39.11. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены : факты, тренды, прогноз. – 2015. – № 3 (39). – С. 141–162.
6. Кученкова, А. В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие : соотношение понятий и способов измерения / А. В. Кученкова. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия : Философия. Социология. Искусствоведение. – 2016. – № 2. – С. 118–127.
7. Татарова, Г. Г. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки / Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2016. – № 10. – С. 21–32.
8. Кученкова, А. В. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности / А. В. Кученкова, Г. Г. Татарова. – DOI 10.31857/S013216250006135-1. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2019. – № 8. – С. 30–43.
9. Киселёва, Л. С. Благополучие российского населения : архитекtonика, субъективное восприятие и региональное своеобразие : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Кисёлева Людмила Сергеевна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2020. – 336 с. – Текст : непосредственный.

10. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе : результаты эмпирического исследования : информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) / Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко [и др.]. – DOI 10.19181/INAB.2020.1. – Москва, 2020. – № 1. – 95 с. – Текст : непосредственный.
11. Социологические подходы к изучению социального благополучия : монография / Е. А. Авдеев, Э. Аллардт, Л. А. Беляева [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. – 431 с. – Текст : непосредственный.
12. Шилова, В. А. Субъективные оценки благополучия : теоретические основания, методологические подходы к измерению, результаты исследования / В. А. Шилова. – DOI 10.19181/snsp.2019.7.3.6694. – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7, № 3. – С. 136–150.
13. Киселёва, Л. С. Факторы благополучия населения : региональные особенности / Л. С. Киселёва. – DOI 10.25136/2409-7144.2020.5.32984. – Текст : непосредственный // Социодинамика. – 2020. – № 5. – С. 69–78.
14. Винокурова, А. В. Социальное благополучие населения в контексте регионального развития (на примере Приморского края) / А. В. Винокурова, Е. Ю. Костина. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 49–53.
15. Мерзлякова, И. В. Социальное благополучие населения региона : методология и методика исследования / И. В. Мерзлякова ; Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского. – Чита : ЗабГГПУ, 2009. – 202 с. – Текст : непосредственный.
16. Смолева, Е. О. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья : взгляд социолога / Е. О. Смолева, М. В. Морев ; Федеральное агентство научных организаций, Российская академия наук, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН). – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. – 163 с. – Текст : непосредственный.
17. Смолева, Е. О. Факторы счастья и удовлетворенности жизнью населения региона : социологический аспект / Е. О. Смолева. – Текст : непосредственный // Проблемы развития территории. – 2016. – № 6 (86). – С. 76–126.
18. Татарова, Г. Г. «Удовлетворенность жизнью» и «личное счастье» в социологическом измерении субъективного благополучия / Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. – DOI 10.19181/ezheg.2020.24. – Текст : непосредственный // Россия реформирующаяся : ежегодник : вып. 18 / Отв. ред. М. К. Горшков. – Москва : Новый Хронограф, 2020. – С. 565–589.
19. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization : Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies / R. Inglehart. – Direct text // Princeton : Princeton University Press, 1997. – 453 p.
20. Осин, Е. Н. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия : психометрические характеристики и сравнительный анализ / Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев. – DOI 10.14515/monitoring.2020.1.06. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. – С. 117–142.

21. Андрееенкова, Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов / Н. В. Андрееенкова. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2010. – № 5. – С. 189–215.
22. Козырева, П. М. Счастье и его детерминанты (статья 1) / П. М. Козырева, А. Э. Низамова, А. И. Смирнов. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 120–132.
23. Черныш, М. Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе / М. Ф. Черныш. – DOI 10.19181/snsr.2019.7.2.6407. – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7, № 2. – С. 9–33.
24. Епихина, Ю. Б. Важность дохода для субъективного благополучия / Ю. Б. Епихина. – DOI 10.19181/INAB.2020.1.5. – Текст : непосредственный // Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе : результаты эмпирического исследования : информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – Москва, 2020. – № 1. – С. 75–94.
25. Diener, E. Will money increase subjective wellbeing? / E. Diener, R. Biswas-Diener. – DOI 10.1023/A:1014411319119. – Direct text // Social Indicators Research. – 2002. – Vol. 57, Issue 2. – P. 119–169.
26. Смолева, Е. О. Счастье и деньги : материальные аспекты субъективного благополучия / Е. О. Смолева. – DOI 10.15838/ptd.2020.3.107.10. – Текст : непосредственный // Проблемы развития территории. – 2020. – № 3 (107). – С. 144–166.
27. Черныш, М. Ф. Социальное благополучие и здоровье / М. Ф. Черныш. – DOI 10.19181/INAB.2020.1.4. – Текст : непосредственный // Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе : результаты эмпирического исследования : информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – 2020. – № 1. – С. 54–74.
28. Allardt, E. Having, Loving, Being : An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research / E. Allardt. – DOI 10.1093/0198287976.003.0008. – Direct text // The Quality of Life / Edited by M. Nussbaum, A. Sen. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – P. 88–94.
29. Шилова, В. А. Субъективное благополучие в понимании россиян : оценки уровня, связь с другими показателями, субъективные характеристики и модели / В. А. Шилова. – DOI 10.19181/INAB.2020.1.2. – Текст : непосредственный // Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе : результаты эмпирического исследования : информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – 2020. – № 1. – С. 18–38.
30. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. – Текст : электронный // НИУ ВШЭ : сайт. – URL: <https://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 20.07.2023).
31. Индекс счастья. – Текст : электронный // ВЦИОМ : сайт. – 2022. – 12 апр. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja> (дата обращения: 25.07.2023).

32. Козырева, П. М. Счастье осмысленное и спонтанное / П. М. Козырева, А. И. Смирнов. – DOI 10.19181/snsp.2017.5.4.5520. – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2017. – Т. 5, № 4. – С. 65–91.
33. Итоги социально-экономического развития Ханты-мансийского автономного округа – Югры за январь–март 2023 года. – URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/d02/bnf1gwncwuxcsut7u6a48lykos6xszvo/Itogi-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-Khanty_mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-_Yugry.pdf (дата обращения: 24.07.2023). – Текст : электронный.
34. Тихонова, Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью : динамика и факторы / Н. Е. Тихонова. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2015. – № 3. – С. 19–33.
35. Балацкий, Е. В. Факторы удовлетворенности жизнью : измерение и интегральные показатели / Е. В. Балацкий. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2005. – № 4. – С. 42–52.
36. Информационный демографический бюллетень «О состоянии демографической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в 2021 году». – Ханты-Мансийск, 2022. – 70 с. – Текст : непосредственный.
37. Щеголькова, Е. Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян : социологический анализ / Е. Ю. Щеголькова. – DOI 10.14515/monitoring.2020.4.1260. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2020. – № 4. – С. 499–520.

References

1. Conceição, P., & Bandura, R. (2018). Measuring Subjective Wellbeing: A Summary of the Literature. New York, 35 p. (In English).
2. Benko, E. V. (2015). Foreign studies of well-being: a literature review. Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology, 8(2), pp. 5-13. (In English).
3. Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2001). On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. Annual review of psychology, 52(1), pp. 141-166. (In English). DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.141
4. Ulloa, B. F. L., Møller, V., & Sousa-Poza, A. (2013). How does subjective well-being evolve with age? A literature review. Journal of Population Ageing, 6(3), pp. 227-246. (In English). DOI: 10.1007/s12062-013-9085-0
5. Shmatova, Yu. E., & Morev, M. V. (2015). Assessing the Level of Happiness: a Review of Russian and Foreign Research. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, (3(39)), pp. 141-162. (In Russian). DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11
6. Kuchenkova, A. V. (2016). Social self-perception and subjective well-being. A review of definitions and measurement models. RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art studies, (2), pp. 118-127. (In Russian).

7. Tatarova, G. G., & Kuchenkova, A. V. (2016). Indicators of subjective well-being as characteristics for typology building. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), pp. 21-32. (In Russian).
8. Kuchenkova, A. V., & Tatarova, G. G. (2019). "Life-cycle stage" as a determinant of personal subjective wellbeing. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (8), pp. 30-43. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250006135-1
9. Kiseleva, L. S. (2020). *Blagopoluchie rossiyskogo naseleniya: arkhitektonika, sub"ektivnoe vospriyatie i regional'noe svoeobrazie*. Diss. ... kand. sotsiol. nauk. St. Petersburg, 336 p. (In Russian).
10. Epikhina, Yu. B., Chernysh, M. F., Sushko, P. E., Shilova, V. A., & Lysukho, A. S. (2020). Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study: The information-analytical bulletin, (1). Moscow, 95 p. (In Russian). DOI: 10.19181/INAB.2020.1
11. Avdeev, E. A., Allardt, E., Belyaeva, L. A., Bessokirnaya, G. P., Velikaya, N. M., Vorob'ev, S. M.,... Yudashkin, A. V. (2021). Sociological approaches to the study of social well-being. Moscow, FSTAS RAS Publ., 431 p. (In Russian). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021
12. Shilova, V. A. (2019). Classification of communicative strategies in the implementation of management decisions. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*, 7(3), pp. 136-150. (In Russian). DOI: 10.19181/snsp.2019.7.3.6694
13. Kiseleva, L. S. (2020). Factors of well-being of the Russian population: regional specificities. *Sotsiodinamika*, (5), pp. 69-78. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.32984
14. Vinokurova, A. V., & Kostina, E. Yu. (2015). Social welfare of population in the context of regional development (on the example of the Primorsky territory). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, (6), pp. 49-53. (In Russian).
15. Merzlyakova, I. V. (2009). *Sotsial'noe blagopoluchie naseleniya regiona: metodologiya i metodika issledovaniya*. Chita: ZabGGPU Publ., 202 p. (In Russian).
16. Smoleva, E. O., & Morev, M. V. (2016). *Uдовлетворенность жизнью и уровнем счастья: взгляд социолога*. Vologda, ISERT RAS Publ., 163 p. (In Russian).
17. Smoleva, E. O. (2016). Happiness factors and life satisfaction of the region's population: sociological aspect. *Problems of territory development*, (6(86)), pp. 76-126. (In Russian).
18. Tatarova, G. G., & Kuchenkova, A. V. (2020). "Life satisfaction" and "personal happiness" in the sociological studies of subjective well-being. *Russia in Reform: Year-Book*. Moscow, New Chronograph Publ., (18), pp. 565-589. (In Russian). DOI: 10.19181/ezheg.2020.24
19. Inglehart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, Princeton University Press, 453 p. (In English).
20. Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2020). Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), pp. 117-142. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06

21. Andreenkova, N. V. (2010). Sravnitel'nyy analiz udovletvorennosti zhizn'yu i opredelyayushchikh ee faktorov. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, (5), pp. 189-215. (In Russian).
22. Kozyreva, P. M., Nizamova, A. E., & Smirnov, A. I. (2015). Happiness and its determinants. Part 1. Sotsiologicheskie issledovaniya, (12), pp. 120-132. (In Russian).
23. Chernysh, M. F. (2019). Factors of Influence on the State of Happiness in the Contemporary Russian Society. Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika, 7(2), pp. 9-33. (In Russian). DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6407
24. Epikhina, Yu. B. (2020). The importance of income for subjective well-being. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study: The information-analytical bulletin. Moscow, (1), pp. 75-94. (In Russian). DOI: 10.19181/INAB.2020.1.5
25. Diener, E., & Biswas-Diener, R. (2002). Will money increase subjective well-being? Social Indicators Research, 57(2), pp. 119-169. (In English). DOI: 10.1023/A:1014411319119
26. Smoleva, E. O. (2020). Happiness and Money: Material Aspects of Subjective Well-Being. Problems of Territory's Development, (3(107)), pp. 144-166. (In Russian). DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.10
27. Chernysh, M. F. (2020). Social well-being and health. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study: The information-analytical bulletin. Moscow, (1), pp. 54-74. (In Russian). DOI: 10.19181/INAB.2020.1.4
28. Allardt, E. (1993). Having, Loving, Being: An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research. The Quality of Life. Oxford, Oxford University Press, pp. 88-94. (In English). DOI: <https://doi.org/10.1093/0198287976.003.0008>
29. Shilova, V. A. (2020). Subjective well-being in the understanding of Russians: level assessments, relationship with other indicators, subjective characteristics and models. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of an empirical study: The information-analytical bulletin. Moscow, (1), pp. 18-38. (In Russian). DOI: 10.19181/INAB.2020.1.2
30. Rossiyskiy monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE. (In Russian). Available at: <https://www.hse.ru/rims>
31. Indeks schast'ya (2022). (In Russian). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja>
32. Kozyreva, P. M., & Smirnov, A. I. (2017). Conscious and spontaneous happiness. Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika, 5(4), pp. 65-91. (In Russian). DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5520
33. Itogi sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Khanty-mansiyskogo avtonomnogo okruga - Yugry za yanvar'-mart 2023 goda. (In Russian). Available at: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/d02/bnf1gwnkwuxcsut7u6a48lykos6xszvo/Itogi-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-Khanty_mansiyskogo-avtonomnogo-okruga_-_Yugry.pdf
34. Tikhonova, N. E. (2015). Dinamika sotsial'noy transformatsii sovremennoy rossii v sotsial'no-ekonomicheskom, politicheskom, sotsiokul'turnom i etnoreligioznom kontekstakh. Social sciences and contemporary world, (3), pp. 19-33. (In Russian).

35. Balatsky, Ye. V. (2005). Life satisfaction factors: measurement and integral indicators. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), pp. 42-52. (In Russian).

36. Informatsionnyy demograficheskiy byulleten' "O sostoyanii demograficheskoy situatsii v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge - Yugre v 2021 godu". (2022). Khanty-Mansiysk, 70 p. (In Russian).

37. Shchegolkova, E. Yu. (2020). Interethnic relations in the assessments of Russians: a sociological analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), pp. 499-520. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260>

Информация об авторе / Information about the author

Амбарова Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, borges75@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3613-4003>

Polina A. Ambarova, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University, Ekaterinburg, borges75@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3613-4003>

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 24.10.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 24.10.2023.